

И мне доход дают грехи людские,
Опять же прав ты – все равно какие.
И я готов на край земли скакать,
Чтоб тот оброк любой ценой взыскать».
«Не может быть! – тут пристав закричал. -
А я-то вас за йомена считал.
Да, но каков ваш облик и наряд,
Когда к себе вернетесь вы назад?»
«В аду определенной нету формы,
А на земле – тут с некоторых пор мы
Какой угодно принимаем вид.
И, судя по тому, кто как глядит,
Он человека, обезьяну видит
Иль даже ангела (пусть не обидит
Тебя тот облик, мой дражайший друг).
И фокусник одним проворством рук
Вам чудеса показывает; что же,
Так с черта можно спрашивать и строже».
«А почему столь разные обличья
Вы принимаете? Из страха? Для приличья?»
А черт ему: «Затем, чтоб нам верней
Настичь добычу, подружиться с ней».
«Да, но к чему вам хлопоты такие?»
«Причины есть, мой друг, кое-какие.
О них сейчас рассказывать мне лень.
Да и к тому ж я потерял весь день;
За утро ничего не перепало.
Хвалиться мне добычей не пристало.
Ловить ее – вот думаю о чем,
А как ловить, не спрашивай о том.
Ты не поймешь иных моих уловок,
Хотя, как пристав, ты и очень ловок.
Но ежели ты очень хочешь знать,
Никто как бог велит нам хлопотать.
Случается, в своем бесовском рвенье
Мы исполняем божьи повеленья;
Хотим ли этого иль не хотим, -
Бессильны мы на деле перед ним,
И иногда орудьем избирает
Он нас своим и мучить позволяет
Не душу грешника, одно лишь тело.
Так с Иовом, коль помнишь, было дело.
А иногда мы получаем власть
И плоть и душу заодно украсть.
И иногда поручено тревожить
Нам только душу, отравляя ложью
Ее покой; но если устоит
Тот человек и веру сохранит -
Спасет он душу, хоть бы для геенны
Его костяк предназначался тленный.
А то по воле божьей и слугой
Нам быть приходится; иной святой,
Как, например, святой Дунстан, епископ,
Распоряжался бесами. Столь низко
Не падал я, но раз на юге жил